

Нижегородской области. О давних связях мордвы с тюркскими народами, и в первую очередь с татарами, свидетельствуют тюркизмы в их топонимии (например, компоненты *тархан*, *мурза*, *хаджи*).

В главе «Теонимы» (кстати, необходимо отметить, что сам термин «теоним» был введен в нашу ономастическую науку Н. Ф. Мокшиным) анализируются имена божеств древнейшего мордовского пантеона. Интересные страницы, посвященные анализу имени верховного божества мордвы — *Шкай*, *Нишке*, почитавшегося как у мокши, так и у эрзи.

В Заключении Н. Ф. Мокшин формулирует основные выводы работы: исследование мордовского ономастикона свидетельствует о самостоятельности и своеобразии культурно-этнографического облика мордвы, а также отражает давние этнокультурные контакты эрзи и мокши с соседними народами.

Несколько слов надо сказать о «Списке мордовских личных имен (в русской адаптации)», данном в приложении. В «Списке» выделено 14 групп. Несомненно, обширный систематизированный список традиционных личных имен мордовского народа, составленный Н. Ф. Мокшиным — новое слово в науке. Это и итог его многолетней работы, и неоценимый источник для дальнейших исследований и поисков.

Книга Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» определена как научно-популярное издание. Она написана доходчивым языком и читается с большим интересом. Привлекательны отдельные заголовки, например: «Мордва — имя народа или его прозвище?», «Как мордва называла и называет соседние народы?» Любознательный читатель найдет для себя в этой книге ответы на интересующие его вопросы, связанные с мордовскими именами. Книга, несомненно, будет иметь широкую читательскую аудиторию не только в Мордовии и в Поволжье, но и по всей России. Она поможет укреплению интереса к самобытной культуре, этнографии, ономастике мордовского народа.

Выход книги Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — значительное событие в развитии отечественной этнографии и ономастики.

Р. Ш. Джарылгасинова

© 1993 г., ЭО, № 1

Е. А. Гаер. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в. М., 1991. 127 с.

Традиционная обрядность амурских народов, воплотившая в себе архаические представления и обычаи, полные экзотики и загадок, знакома читателям благодаря трудам нескольких поколений российских этнографов. В 1991 г. богатая литература по этнографии амурского региона пополнилась новым ярким и интересным исследованием — монографией Е. А. Гаера «Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в.»

Эта небольшая книга, вышедшая в издательстве «Мысль», очень быстро была раскуплена, и не только потому, что ее автор Евдокия Александровна Гаер известна в стране как активная правозащитница малочисленных народов, но и благодаря возросшему в нашем обществе интересу к северной тематике, в том числе к традиционной культуре коренных народов Севера.

В основе книги собственные полевые материалы Е. А. Гаера, собранные ею в 1971—1984 гг., в период работы в составе этнографо-филологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения АН СССР. Широко привлечены также литературные и архивные источники. Большую помощь в написании книги оказал Е. А. Гаер покойный ныне Илья Самуилович Гурвич.

Глубокое знание автором культуры своего народа, родного нанайского языка, национального характера, чувство духовной и эмоциональной сопричастности к описываемому придают работе свежесть и выразительность.

В большинстве современных исследований, посвященных обрядовой тематике, ученый выступает или как беспристрастный сторонний наблюдатель обряда, или как безжалостный его анатом, вычленивший отдельные структурные и функциональные ритуальные компоненты. В результате часто теряется целостное представление об обряде, он предстает перед читателем как бы неживым, вырванным из контекста народного быта.

В монографии Е. А. Гаера мы не видим привычной «анатомии» обряда. Автор преподносит обряд бережно, со всеми его нюансами и штрихами, как органическую принадлежность традиционного мира нанайцев.

Рассматриваются четыре комплекса нанайской обрядности: промысловый, родильный, свадебный и похоронный. Каждому виду обрядов посвящена особая глава, условно состоящая из двух частей: описательной и аналитической. В описательных разделах глав автор великолепно преподносит собственные полевые материалы: обряд как бы раскрывается изнутри, мы видим и ощущаем его глазами и чувствами самих нанайцев, его исполнителей и хранителей. Приоткрывается завеса над скрытой стороной обряда, над его таинством, недоступным взгляду постороннего наблюдателя.

В аналитической части глав проводится сопоставление нанайских обрядов с аналогичными

обрядами других сибирских (в первую очередь амурских) народов, выявляются этнокультурные и этногенетические параллели, исследуется генезис отдельных обрядовых форм и элементов.

В главе «Промысловая обрядность» анализируется комплекс обрядов, связанных с охотой и рыболовством. Здесь содержатся сведения, касающиеся ритуального промыслового этикета нанайцев, описываются разнообразные формы общения с родовыми и семейными покровителями. Перед читателем раскрывается многоцветная гамма анимистических связей и представлений нанайцев. Автор делает акцент именно на мировоззренческой стороне обрядности, показывая, как анимистическое мировосприятие определяло ритуальный этикет общения людей с окружающей природой, поддерживало определенную гармонию в отношениях человека с животным и растительным миром.

Несколько меньшее внимание Е. А. Гаер уделяет обрядовой атрибутике. Отсутствуют, например, упоминания о специальной охотничьей одежде нанайцев, описанной Л. Я. Штернбергом. Это можно объяснить тем, что полевые материалы Е. А. Гаер зафиксировали состояние промысловой обрядности главным образом советского периода, когда внешнюю сторону традиционных ритуалов старались не афишировать, дабы не обнаруживать своей приверженности к «пережиткам». Глава изобилует образцами промыслового фольклора, представленного на нанайском языке с подстрочным переводом, — это различные словесные формулы (моления), обращенные к духам — покровителям охоты и рыбной ловли, семейные и родовые охотничьи предания, бытовые рассказы, раскрывающие глубинные пласты традиционного мировосприятия нанайцев. К достоинствам рассматриваемой главы, как и всей книги, надо отнести и то, что в ней описываются локальные варианты ритуалов со ссылками на то, где и от кого была зафиксирована информация. Вариативность нанайской обрядности предстает перед читателем во всем ее многообразии.

Глава «Родильные обряды» содержит разнообразные сведения о народной медицине нанайцев, использовании ими лекарственных растений, животных препаратов, их бытовой гигиене, применении психотерапии; здесь же дается описание различных магических действий, призванных охранять здоровье беременной женщины, способствовать благополучному исходу родов и т. д. Анализируются ритуалы «детского цикла». Значительное место автор уделяет психологии религиозного поведения нанайцев. Семейные предания, записанные Е. А. Гаер у различных нанайских групп, свидетельствуют, что на характер общения нанайцев с духами накладывают отпечаток не только общезначимые, родовые и семейные традиции, но и характер человека, его состояние и настроение. В религиозных действиях в значительной степени присутствует элемент импровизации.

В главе «Свадебные обряды» дается характеристика брачных норм нанайцев. Представленные в ней материалы содержат новую, свежую информацию; уточняются детали нанайских свадебных ритуалов, довольно полно описанных в литературе. При этом свадебный цикл истолковывается сквозь призму традиционного самосознания нанайцев. Так же как и другие разделы книги, глава содержит уникальные фольклорные материалы: предания, бытовые рассказы, освещающие сакральные действия, местные обычаи, связанные со вступлением в брак. Некоторые положения данной главы дискуссионны. Так, представляется несколько преувеличенным утверждение автора об «униженном», «обреченном», «тяжелом» положении женщины в нанайской семье. Этому противоречат материалы самой книги, свидетельствующие о бытовании общественных норм, гарантировавших женщине определенную правовую защищенность.

Глава «Похоронные и поминальные обряды» — один из наиболее удачных разделов книги. Здесь анализируются особенности, связанные с погребением детей, шаманов, утопленников. Приводятся описания зафиксированных автором случаев ложных захоронений. Характеризуются различные виды берегов, магических действий, призванных предохранять людей от смерти, от нежелательных контактов с душами (двойниками) умерших, описывается погребальное обложение. Значительное место в главе уделено мировоззренческой основе погребальной обрядности: представлениям нанайцев о смерти, о потустороннем мире, о душе человека, о болезни. Автор приводит легенды, рассказы, отдельные высказывания, раскрывающие эти представления.

В заключении книги даны аналитические размышления автора, обобщающие приведенный в главах материал. Некоторые выводы могут вызвать возражения. Так, представляется несколько упрощенной аналитическое построение, где рациональное в обрядах связывается с положительным опытом, а иррациональное — «с бессилием человека перед силами природы» (с. 111—112). Определение религиозных обрядов как «пережитков», сохраняющихся в силу «недостатков в организации быта и труда» и «слабости воспитательной работы» (с. 114), не согласуется с тем бережным, трепетным отношением автора к обряду, которое пронизывает всю книгу. Подобные идеологические штампы можно объяснить «данью» традициям аксиологической школы советской этнографии. Они ни в коей мере не снижают высокую научную ценность монографии Е. А. Гаер.

Е. П. Батянова